

Взглянув на Сун Цинсюя, который тащил багаж за Цзян Мэнлинем, все сразу замерли.

В нескольких важных резиденциях в центре обычно размещались особые охранники, отличающиеся от обычных военных. Эти охранники редко действовали, но если уж брались за дело, то обязательно производили впечатление. С ними часто происходили вещи, которые наука не могла объяснить, например, они могли одним ударом разрушить стену или уклоняться от пуль. Проще говоря, это были люди с необычными способностями, обладающие «нэйгуном».

Это не то, что может освоить каждый, и нэйгун не так уж дешев. Но одно можно сказать точно: люди, обладающие этим мастерством, внешне выглядят иначе, чем обычные люди.

Они похожи на натянутый лук, готовый выпустить стрелу, и кажется, что они в любой момент могут нанести удар.

Все, увидев слегка выпуклые виски Сун Цинсюя, сглотнули. Шутка ли, людей, которые могут позволить себе таких охранников, в столице можно пересчитать по пальцам. Кто же этот парень?!

Сун Цинсюй почувствовал их пристальные взгляды, мельком взглянул на них и молча повернулся, спокойно стоя за спиной Цзян Мэнлиня.

Бай Шаофэн потянул Цзян Мэнлиня за рукав и начал представлять ему компанию странно выглядявших подростков.

— Ху Байчуань, его отец из Центрального политического бюро, мы с детства дружим!

Подстриженный под «ёжик» симпатичный парень с оценивающим взглядом осмотрел Цзян Мэнлиня. Тот повернул голову и, улыбнувшись, протянул руку:

— Я Цзян Мэнлинь.

Ху Байчуань, увидев его улыбку, на мгновение замер, затем протянул правую руку для рукопожатия, и его взгляд смягчился.

— Вэнь Жуюй, он примерно твоего возраста, мы тоже вместе выросли.

Низкорослый парень выглядел очень интеллигентно, сжал губы и кивнул Цзян Мэнлиню, его лицо было бледным.

Цзян Мэнлинь лишь мельком взглянул на него, но, благодаря нескольким дням изучения основ диетологии с Сун Цинсюем, уже кое-что понял. У этого парня проблемы со здоровьем.

— Потеря аппетита, подверженность простудам, бледность кожи, холодные конечности, головокружение, приступы рвоты, внутренние органы в напряжении... У тебя слабые внутренние органы... — Цзян Мэнлинь прищурился, покачивая головой, с видом знатока.

Вэнь Жуюй вздрогнул, его взгляд стал серьезным:

— Ты разбираешься в китайской медицине? Эта болезнь у меня с рождения, я с детства на лекарствах, каждый приступ невыносим. Мои родители больше десяти лет искали врачей, но смогли лишь поддерживать состояние. Недавно я встретил нового специалиста из партийных верхов, он выписал мне пару рецептов, стало немного лучше, но он тоже не обещал полного

излечения.

Цзян Мэнлинь улыбнулся:

— Когда будет время, приходи ко мне, я попрошу кого-нибудь тебя осмотреть.

Вэнь Жуюй сжал губы, вспомнив мучительные боли во время приступов, и его дыхание участилось.

Если... эта болезнь действительно может быть вылечена...

Последний из компании, парень с желтыми волосами и видом хулигана, с ухмылкой потянулся, чтобы потрепать Цзян Мэнлиня по голове, но Сун Цинсюй резко оттолкнул его. Цзян Мэнлинь поднял руку, остановив Сун Цинсюя, а Бай Шаофэн поспешил представить:

— Это Чжао Бао, мой друг, только что вернулся с юго-запада. Не думай, что он плохой парень, он очень добрый.

Цзян Мэнлинь с усмешкой взглянул на него. В этом парне он почувствовал что-то родственное, но, к сожалению, он не был его типом. Однако что думал сам Чжао Бао, Цзян Мэнлинь не знал.

Людей, которые ему не нравились, Цзян Мэнлинь никогда не достаивал вниманием, поэтому он лишь вежливо кивнул и представил двух своих спутников компании Бай Шаофэна:

— Чэн Чжэньчжу, его отец — начальник полиции Гонконга Чэн Банго, и Бао Сюн, мой друг.

Бао Сюн занимался бизнесом на грани законности, и Цзян Мэнлиню было сложно представить его этим политическим наследникам.

После рукопожатий компания подростков, казавшихся старше своих лет, начала знакомиться. «Золотые мальчики» Бай Шаофэна теперь явно не могли недооценивать Цзян Мэнлиня.

В 1997 году, когда Гонконг вернулся под юрисдикцию Китая, все жители Гонконга, Макао и Тайваня стали в материковом Китае почти как иностранные послы. Начальник полиции Гонконга был человеком, который мог не считаться даже с центральным правительством!

Бао Сюн промолчал, но одного Чэн Чжэньчжу было достаточно, чтобы общаться с этой компанией «принцев».

Эти «золотые мальчики» были старше Цзян Мэнлиня, самый старший, Бай Шаофэн, уже перешагнул двадцатилетний рубеж, и все они были далеко не наивными. Кроме Сун Цинсюя, который оставался серьезным, новые знакомые быстро начали шутить и сближаться. Это было необходимостью и инстинктом. Хотя внешне они казались близкими, что творилось у них в душах, никто не мог знать.

Чжао Бао предложил устроить вечеринку в честь приезда Цзян Мэнлиня и его компании, но тот отказался, сославшись на усталость от дороги. Бао Сюн и Чэн Чжэньчжу тоже вежливо сказали, что хотят вернуться и принять душ. Цзян Мэнлинь, с ключом от квартиры в Имперской столице, который дала ему матушка Цзян, по памяти нашел старый район с ветхими домами. Сун Цинсюй не обратил внимания, но Бао Сюн, Чэн Чжэньчжу и Бай Шаофэн, увидев темные и старые лестницы, чуть не потеряли дар речи. Едва они добрались до четвертого этажа, Бай Шаофэн закричал:

— Давайте остановимся в отеле!

Цзян Мэнлинь спокойно взглянул на него, понимая, что эти избалованные парни никогда не видели таких мест. Даже Чэн Чжэньчжу, который всю дорогу дрожал, не выдержал:

— Дом не развалится?

Несмотря на жалобы, все без колебаний последовали за Цзян Мэнлинем на четвертый этаж. Все они были молоды и спортивны, поэтому усталости не чувствовали. Цзян Мэнлинь открыл дверь ключом, и все, зайдя внутрь, остолбенели.

Квартира площадью не более пятидесяти квадратных метров, при входе сразу же была ванная. Интерьер был простым и бедным, на полу толстый слой пыли, старый диван и телевизор, с потолка свисала пыльная люстра, мебели было мало, и все было накрыто белыми чехлами. В воздухе витал неприятный запах плесени.

Цзян Мэнлинь не обратил на это внимания. В прошлой жизни, когда он сбежал из дома и начал работать, он жил даже в подвале. К тому же он хорошо знал, как в будущем будут расти цены на недвижимость в Имперской столице. Этот старый дом, расположенный внутри второго кольца, через десять лет будет стоять как ракета, взлетевшая в небо. Дом в три-четыре кольца площадью двести квадратных метров не обязательно будет стоять дороже. В прошлой жизни, когда у отца возникли финансовые проблемы, этот дом был продан, чтобы покрыть долги, и позже отец много раз сожалел об этом.

Цзян Мэнлинь закатал рукава и начал убираться. Сун Цинсюй тут же бросил вещи и присоединился к нему. Двое гонконгских богачей, немного опомнившись, не осмелились показать свою лень перед Цзян Мэнлинем и тоже взялись за работу. Бай Шаофэн, зажав нос, начал стряхивать пыль с чехлов. Остальные «золотые мальчики», переглянувшись, пожали плечами — чего стоять, давайте работать!

Через некоторое время Чжао Бао, случайно разбивший вазу, был отправлен мыть туалет. Вэнь Жуюй, не способный к тяжелой работе, получил два мешка с мусором и был отправлен выносить их. Ху Байчуань, с поднятой бровью, держал в руках мокрую швабру. Бай Шаофэн, обливаясь потом, вытирал пыль в комнате. Сун Цинсюй снял постельное белье и занавески и отдал их Бао Сюну и Чэн Чжэньчжу стирать, а сам сел на корточки рядом с диваном и начал массировать плечи Цзян Мэнлиня.

Цзян Мэнлинь прикрыл глаза, с наслаждением кряхтя:

— Мама дорогая, этот полет меня вымотал...

Все с завистью смотрели на него, слюнки текли. Ху Байчуань, не слишком близкий с Цзян Мэнлинем, не знал о его коварстве и, подстрекаемый Бай Шаофэном, первым взбунтовался, ударив шваброй о стену:

— Нельзя! Ты хоть немного поработай!

— Да, да! — Вэнь Жуюй, прислонившись к двери и прикрывая сердце, сделал вид, что у него приступ. — Я же больной!

Бай Шаофэн, притворившись добрым старшим братом, хотя на самом деле был хитрецом, подстрекал других быть «плохими парнями», а сам играл роль «хорошего»:

— Эй, вы что, пример подаете? Уважение к старшим и забота о младших, понимаете? Забота о младших, понимаете?!

Цзян Мэнлинь, «младший», которого все оберегали, приподнял веко и великодушно произнес:

— Все, отдыхайте, пусть Бай Шаофэн работает.

Все с радостью бросили уборку, одновременно выражая глубокое сочувствие и презрение к двуличному Бай Шаофэну. Тот, чуть не плача, сжал в руке тряпку:

— Я еще не закончил...

<http://bllate.org/book/16657/1526583>